

Посвящается Кену Маклауду

*Спасибо Джеймсу Николлу, Роберту Ноджею Сниддону,
Кори Доктороу, Эндрю Джею Уилсону, Кэтлин Бласделл,
Дэвиду Клеменсу, Шону Эрику Фэгану, Фаре Мендельсон,
Кену Маклауду, Джульет Мак-Кенне
и всем остальным подозрительным лицам*

— Этот аппарат,— начал он и взял рукоять привода, на которую тут же оперся,— изобретение нашего бывшего коменданта. Вы уже что-нибудь слышали об этом человеке? Нет? Знаете, не будет преувеличением сказать, что построение всего здешнего поселения является его рук делом. Мы, его друзья, уже к моменту его смерти знали, что все устройство поселения столь четко подчинено принципу внутренней замкнутости, что его преемник, сколько бы новых планов ни вертелось у него в голове, еще много лет не сумеет изменить ничего из старого. Наше предсказание сбылось: новому коменданту пришлось смириться с такой ситуацией. Да, жаль, что вы не знали бывшего коменданта!

Франц Кафка. В поселении осужденных¹

Кто помнит сегодня об армянах?
Адольф Гитлер, 1939 год

---

¹ Перевод А. Тарасова.

Режимы, происходящие из Насущной Республики, не используют классические дни, недели и другие земные календарные меры, разве что в историческом или археологическом контексте. Однако классическая секунда осталась основной единицей измерения времени. Удобный конвертер выглядит следующим образом:

1 секунда

время прохождения светом 299 792 458 метров в вакууме.

1 килосекунда

в архаичных единицах 16 минут.

100 килосекунд (1 день)

в архаичных единицах 1 день и 3 часа.

1 мегасекунда (1 цикл)

10 дней, в архаичных единицах 11 дней и 6 часов.

300 мегасекунд (1 месяц)

300 дней, в архаичных единицах 337 земных дней (11 месяцев).

1 гигасекунда

в архаичных единицах около 31 земного года.

1 терасекунда

в архаичных единицах около 31 тыс. земных лет (половина возраста человеческого вида).

1 петасекунда

в архаических единицах около 31 млн земных лет (половина временного отрезка с конца мелового периода).

1. ДУЭЛЬ

Темнокожая женщина с четырьмя руками идет ко мне через танцплощадку клуба. Из одежды на ней — только пояс из человеческих черепов. Волосы образуют дымный венок вокруг открытого любопытного лица. Она интересуется мной.

— Ты здесь новенький, не так ли? — спрашивает она, останавливаясь у моего стола.

Я смотрю на нее. За исключением изящно встроженных вспомогательных плечевых суставов, тело ее — самое обычное человеческое: типовой дизайн. Цепь, украшенная колючей проволокой и бутонами роз, удерживает черепа на бедрах.

— Да, я новичок, — отвечаю я. Кольцо условно-досрочно освобожденного преступника щекочет левый указательный палец — незначительное такое напоминание. — Я обязан предупредить вас, что прохожу переиндексирование личности и реабилитацию. Я — ну, человек, подобный мне, — могу быть склонен к вспышкам насилия. Расслабьтесь, это лишь предупреждение: я не причиню вам вреда. А почему вы спрашиваете?

Она пожимает плечами — широкий, волнистый жест, который заканчивается, чуть сотрясая ее бедра.

— Потому что еще не видела вас здесь, а я тут бываю почти каждый день, и так — уже дней двадцать-тридцать подряд. Помогая кому-то, можно заработать дополнительные баллы на реабилитацию. Про кольцо не беспокойтесь, их здесь многие носят. До недавнего времени и мне приходилось всех предупреждать.

Я выдавил улыбку. Значит, такая же заключенная? Просто в иерархии программы — чуть повыше?

— Хотите чего-нибудь выпить? — спрашиваю я, указывая на стул рядом с собой. — А как вас зовут, если можно спросить?

— Кей. Давай без официоза. — Она выдвигает стул и садится, перекинув через плечо огромную прядь волос и обеими руками запихивая черепа под стол. В то же время она смотрит на меню. — Я хочу охлаждённый двойной мокко с капелькой коки. — Она снова смотрит мне в глаза. — В клинике все устроено так, что волонтер постоянно приветствует здесь новых людей. И сейчас как раз моя смена. Назовешься? И да, откуда ты?

— Не гони лошадей. — Кольцо вновь щекочет. Я не забываю улыбаться. — Я — Робин. И ты права, я только что из рехаб-емкости. Выпущен один мег назад. — То есть чуть больше десяти планетарных дней, один миллион секунд. — Я из... — несколько секунд мои мысли лихорадочно мечутся, пытаюсь определиться, какую байку ей скормить, и приходят к выводу, что нужно что-то более-менее близкое к правде, — ...этого района, на самом деле. Но у меня заминки с памятью. Совсем залегался — вот и приходится с этим что-то делать.

Кей улыбается. У нее острые скулы, бледные зубы в обрамлении красивых губ; лицо с двусторонней симмет-

рией — на такую работу ушли три миллиарда лет труда эволюционной эвристики и гомеозисных генов... *И откуда только эта мысль взялась?* — сердито спрашиваю я себя. Сложность в том, чтобы отличить собственные думы от тех, что принадлежат послеоперационному протезу личности.

— Так долго не была человеком, — признается она. — Совсем недавно сюда перебралась, с планеты *Zemlya*. — Через мгновение она мягко добавляет: — Ради операции.

Я возился с бахромой, свисающей с рукояти моего меча. С ней было что-то не так, и это меня ужасно расстраивало.

— Ты жила с ледяными упырями? — спрашиваю я.

— Не совсем. Я *была* ледяным упырем.

Я тарашусь на нее во все глаза — вот не думал, что когда-нибудь встречу настоящего живого инопланетянина, пусть и выписанного из своей породы.

— Была ли ты... как это правильно сказать-то... в общем, ты родилась такой или на какое-то время эмигрировала?

— Это два вопроса. — Она поднимает палец. — Тогда и тебе от меня — два, уговор?

— Уговор. — Я кивнул без подсказки, и кольцо дало мне немного тепла. Все очень просто: поведение, предполагающее выздоровление, поощряется, а то, что усугубляет послеоперационный делирий, наказывается. Мне это не по душе, но это важная часть реабилитации — так мне сказали.

— Я эмигрировала на планету *Zemlya* сразу после предыдущего дампа памяти. — Что-то в выражении ее лица наводит на мысль, что она увиливает от правдивого

ответа. Что тому причиной? Неудачные сделки, личные враги? — Я хотела познать общество ледяных упырей изнутри.— Бокал с коктейлем вырастает из стола, Кей делает осторожный глоток.— Потому что оно *очень* странное.— Она на мгновение задумывается.— Понимаешь, я жила среди них ради исследования. Но по прошествии одного поколения мне стало... грустно. Если проживаешь с кем-то несколько гигасекунд кряду, волей-неволей привязываешься к нему — если только не становишься постчеловеком, обновляя свою... ну, ты понял. Я подружилась с парой, наблюдала, как они стареют, потом — умирают, и в какой-то момент поняла: не могу больше это терпеть. Поэтому я вернулась и стерла это... чувство. Эту боль.

Несколько гигасекунд? Одна длится тридцать планетарных лет. Многовато времени на житие с незнакомцами.

Кей внимательно наблюдает за мной.

— Это, наверное, была очень точная операция,— медленно отвечаю я.— Потому что я из прошлой жизни почти ничего не помню.

— Ты был человеком,— предполагает она.

— Да.— Определенно, был. У меня остались обрывки воспоминаний — мечи, чья сталь мерцает в сумерках в узких проулках, вновь охваченные войной зоны; кровь, льющаяся рекой.— Я был ученым. Из профессуры.— Скомпонованный ряд охваченных огнем врат, за грозной броней поста таможенного контроля между режимами. Крики, толкотня — мирные жители устремляются к темному проему.— Я был историком.— Это хотя бы отчасти правда... было правдой.— Все теперь кажется таким скучным и далеким.— Короткий выброс

энергетического оружия, за ним — тишина. — Меня заела рутина, вот и пришлось немножко освежиться.

А это уже почти стопроцентная ложь. Я не был добровольцем — кто-то сделал мне предложение, от которого я не смог отказаться. Я слишком много знал. Либо мог согласиться на вмешательство в память, либо моя следующая смерть стала бы последней. По крайней мере, так значилось в письме на мертвой бумаге — письме к самому себе, ждавшему у кровати, когда я очнулся в реабилитационном центре, сразу после того, как испил вод Леты, доставленных прямо в мозг ботами размером с молекулу — с легкой руки хирургов-храмовников.

Я скалю зубы в улыбке, прикапывая полуправду в откровенной лжи.

— И вот я прошел серьезную переподготовку и теперь не могу вспомнить, что к чему...

— ...чувствуя себя новым человеком, — договорила она за меня с полуулыбкой.

— Ага. — Я смотрю на вторую пару ее рук. Не могу не подметить, как она сжимает и разжимает пальцы, словно заправская невротичка. — Но я предпочел консервативный дизайн тела. — Да, консервативного во мне — до фи́га. Ныне я — мужчина среднего роста, темноглазый, с уже прорастающей черной щетиной — ничем не улучшенный евразиец докосмической эры, в кожаном килте и конопляных сандалиях в тон. — У меня осталось очень въедливое представление о себе, и я не собирался его отвергать. С ним слишком многое ассоциируется — так что я бы не смог. Кстати, классные у тебя черепушки.

Кей улыбается:

— Спасибо. И еще раз спасибо — за то, что не задал стандартные вопросы.

— Это какие же?

— Ну, почему я так выгляжу, например.

Впервые за наш разговор я беру свой напиток и делаю глоток горькой холодной жидкости синего цвета.

— Ты прожила столько же времени, сколько живет человеческая допотопная форма, среди ледяных упырей, и местный сброд куксится из-за того, что у тебя слишком много рук? — Я покачал головой. — Думаю, у тебя есть на то причины. И всё.

Она скрещивает обе пары конечностей в защитном жесте.

— Я бы чувствовала себя обманщицей, имея облик... — Она смотрит куда-то поверх меня. В баре есть еще парни, несколько смазливо-кавайных девиц и некоторое количество киборгов, но большинство — ортогуманоиды. Кей смотрит на даму с длинными светлыми волосами на одной стороне головы и короткими щетинками — на другой, одетую в воздушную белую драпировку и пояс с мечом. Женщина громко ржет в ответ на слова одного из своих товарищей — это берсерки ждут игроков. — ...скажем, как у нее.

— А ты когда-нибудь была ортогуманоидом?

— До сих пор им остаюсь — глубоко внутри.

Насколько я понял, она выходит на публику в ксеногуманоидном облике, потому что стесняется. Я рассматриваю толчею берсерков и случайно встречаюсь взглядом с той блондинкой. Она смотрит на меня напряженно, затем показушно поворачивается ко мне спиной.

— Этот бар здесь давно? — спрашиваю я, а сам чувствую, как горят уши. Как эта фифа посмела так поступить со мной?

— Около трех мегасекунд.— Кей кивает компашке гуманоидов, вваливающейся в бар.— Лучше не обращай на них особого внимания, это дуэлянты.

— Я сам такой. Дуэли — часть моей терапии.

Кей гримасничает.

— Я в эти грязные игры не играю. Не фанатка боли.

— И я — не фанат,— медленно замечаю я.— Дело ведь не в этом. А в том, что амнезия часто ведет к фрустрации и смещенной агрессии, формализованный же и донельзя регламентированный контекст дуэли гарантирует, что она никого не заденет.

— Где ты живешь? — спросила она.

— Все еще в... — Я подмечаю, что она быстро сменила тему.— Все еще в клинике. Понимаешь, все, что у меня было... — Я стусевался.— Мне не очень хочется все это тащить за собой. Я еще не понял, кем хочу быть в новой жизни, поэтому не вижу смысла волочь весь этот багаж.

— Еще по одной? — спрашивает Кей.— Я угощаю.

— С удовольствием.

Когда я спиной чую, как к нашему столу идет та блондинка из компашки берсерков, в голове звенит колокольчик. Я делаю вид, что не замечаю, но чувствую знакомое тепло в животе и напряжение в спине. Древние рефлексy и более чем один современный игровой код берут на себя управление: я незаметно выдвигаю меч из ножен. Думаю, я знаю, чего хочет блондинка, и буду счастлив ее порадовать. Она — не единственная, кто здесь склонен к частым вспышкам убийственной ярости, которая не быстро утихнет. Терапевт посоветовал принять это и излить — контора одобряет. Со временем ярость уляжется.